

Б. Н. Флоря
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия. ritlen@mail.ru

ДВА ДОКУМЕНТА 1136 г. О ПОЛОЖЕНИИ ЦЕРКВИ В ДРЕВНЕЙ РУСИ И ПОЛЬШЕ XII в.

В статье на основе сопоставления двух источников – княжеской грамоты Смоленской епархии 1136 г. и папской буллы 1136 г. Гнезненскому архиепископству в Польше показаны сходства и различия в положении церковных кафедр в обществе и характере их отношений с государственной властью.

Ключевые слова: епископская кафедра, княжеская власть, десятины, землевладение кафедры, Польша, Русь

Статья по докладу на XII Международной научной конференции
«Комплексный подход в изучении Древней Руси».

30-е гг. XII в. – важная грань в социально-политическом развитии Древней Руси и Польши. Именно в это время происходит окончательный политический распад единого Польского и единого Древнерусского государств, сформировавшихся в эпоху раннего Средневековья. Политическая раздробленность, по общему мнению исследователей, создавала благоприятные условия для важных социальных перемен – образования крупного привилегированного церковного и светского землевладения. Первой значительных успехов на этом пути добилась церковь.

Представляется важным найти ответ на вопрос, на каком уровне находилась начальная стадия этого процесса на Руси и в Польше к тому времени, когда раздробленность окончательно утвердилась. Определенный материал дают для этого две грамоты, датированные 1136 г.

Одна из них – уставная и жалованная грамота смоленского князя Ростислава Мстиславича, составленная в связи с учреждением для Смоленской земли особой епископии¹. В грамоте помещены сведения об источниках ее доходов, земельных владениях и их статусе. Появление подобного документа в момент создания новой епархии является понятным и естественным.

Иначе обстоит дело с папской буллой 1136 г. папы Иннокентия II главной польской епархии – основанному в 1000 г. Гнезненскому архиепископству – с перечислением ее владений и доходов. Ее появление было вызвано особыми причинами.

В 20-х гг. XII в. при участии папского легата кардинала Эгидия было осуществлено образование новых польских епархий – Любушской и Влоцлавской (см. об этом: [Abraham, s. 149–151; Maleczyński, s. 280–283]). Это привело к установлению границ между епархиями в ситуации, когда часть прежних владений Гнезненского архиепископства оказалась на территории других епархий (см. об этом: [Maleczyński, s. 284–287]).

Понятно, что такая ситуация вела к конфликтам между разными церковными центрами и вызывала желание архиепископства получить закрепление за ним со стороны высшей церковной инстанции ее владений и доходов. Имелась, вероятно, еще и другая причина обращения в Рим. Значительная часть одного из новосозданных епископств – Влоцлавского – при участии польского князя Болеслава III была выделена полностью из состава Гнезненской епархии. Поэтому утверждение папской властью владений и доходов архиепископской кафедры могло

¹ Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Изд. подгот. Я. Н. Щапов. М., 1976. С. 141–145 (копия XVI в.).

также ослабить (или ограничить) вмешательство светской власти в церковные дела. Попытка оказалась успешной².

Предпринятая попытка послужила примером для аналогичных обращений в Рим других польских епископов в середине XII в.

Таким образом, перед нами два одновременных документа, созданных в очень важный момент исторических перемен в Польше и на Руси, где представлены одинаковые сюжеты. Конечно, сравнение можно рассматривать как некорректное: Гнезненское архиепископство было главной епархией польской церкви, а Смоленское епископство было только создано в 1136 г., но, к сожалению, уставная грамота Ростислава смоленского – единственный документ такого рода в домонгольской Руси, содержащий систематически изложенные сведения об источниках доходов епископской кафедры, ее земельных владениях и их статусе.

Уникальный документ закономерно привлек к себе внимание исследователей истории древнерусской церкви и исследователей истории Смоленской земли, как историков, так и археологов. Важные итоги изучения источника были подведены в книге Л. В. Алексева [Алексеев, 1980, с. 20–23, 43–49, 54–63, 80, 94, 100, 110–111].

Можно считать установленным, что данный документ был составлен в 1136 г. в связи с образованием Смоленской епархии. Он должен был обеспечить ей материальные условия существования и необходимые условия пастырской деятельности. Это последнее было сделано в заключительной части «Устава», где был очерчен круг судебных дел, подлежащих суду епископа, и указано, что светским властям было запрещено вмешиваться в его деятельность, и одновременно устанавливалось подчинение власти епископа «церковных людей».

Начальная часть «Устава» была заполнена перечнем разных доходов, которые княжеская власть передает церкви.

В самом начале этой части памятника прокламировалось, что кафедре передается десятина «от всех даней смоленских... кроме продажи и кроме виры и кроме полюдья»³. Таким образом, с доходов от взимания судебных пошлин и от сбора, получаемого во время «полюдья» – объезда князем своей земли, десятина в пользу церкви не должна была взиматься. Правда при составлении перечня доходов кафедры были допущены отступления от этой нормы: в «Уставе» упоминаются как предмет обложения в пользу церкви «виры» в одной из волостей и «полюдье» в двух центрах (см. об этом: [Алексеев, 1980, с. 46, 60–61]). Кроме того, когда перечень был подготовлен, видимо, возник вопрос о недостатке выделенных средств, и поэтому в конце перечня были добавлены статьи о передаче кафедре с уже фигурировавших в перечне Жижца и Торопца десятины «от всех рыб», которые поступают князю (см. об этом: [Алексеев, 1980, с. 46]).

В тексте «Устава» помещались перечни комплексов «волостей», расположенных на разных территориях Смоленской земли⁴. Часть из них были заселены «служебным населением» (Бортники, Бобровники, Солодовники, Лодейники). В большинстве случаев указывался размер дани и одновременно размер десятины. В ряде случаев эта формула была дополнена указаниями на выплаты в пользу церкви десятины доходов от обложения торговой деятельности. Упоминаются в двух случаях «гостиная дань», в одном случае – «торговое», «перевоз», в четырех случаях – доходы от корчем, в одном случае – доход от проезжей пошлины –

² Публ. оригинала документа см.: *Kodeks dyplomacyjny Wielkopolski / Wyd. S. Zakrzewski. Poznań, 1877. Т. 1. № 7.* Есть точка зрения, что в оригинал папской буллы было вставлено описание земель и доходов, составленное в Варшаве, но, и по мнению сторонников этой точки зрения, текст был написан не позднее 1145 г. [Maleczyński, s. 309–310].

³ Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. С. 141.

⁴ Характеристику отдельных комплексов см.: [Алексеев, 1980, с. 54–63].

«мыта». Понятно, что такие доходы взимались в тех волостях, где имела место и облагалась поборами оживленная торговая деятельность, но, очевидно, церкви были переданы лишь некоторые поборы в некоторых местах. Надо полагать, что там, где собирались «торговое» и «гостинная» дань, взималось и «мыто», но десятина от него не передавалась церкви. Таким образом, этот важный источник доходов лишь частично облагался в пользу церкви. Обращает на себя внимание в этой связи отсутствие упоминаний о доходах с обложения торговли в Смоленске и Торопце.

Большая работа, связанная с локализацией указанных в перечне волостей и их возможных центров, поставила исследователей перед вопросом о том, что вопреки декларируемой в «Уставе» передаче церкви десятины «от всех даней», в действительности этого не произошло. Так, обращает на себя внимание отсутствие в перечне десятины от даней, взимавшихся в главном центре «земли» – Смоленске. В «Уставе» говорится о передаче кафедре «земли» Мошинской «в Погоновичах», но сами «Погоновичи» в перечне волостей отсутствуют. Картография показала почти полное отсутствие в «Уставе» волостей южной части Смоленской земли.

Л. В. Алексеев полагает, что та часть Смоленской земли, где взималась десятина от даней, составляла своего рода «государственную» часть Смоленского княжества, а другая часть представляла собой княжеский «домен» – личное владение князя, которое в пользу церкви не облагалось [Алексеев, 1976]. Однако этой гипотезе не хватает и доказательств, и аналогий. Объяснения такому положению вещей мы не имеем.

Очевидно, что десятина от княжеских доходов и в 30-х гг. XII в. была очень важным источником материального обеспечения Смоленской кафедры, но такой десятиной облагались не все виды княжеских доходов и не на всей территории Смоленской земли.

Из земельных владений кафедры выделяются два села – Дросенское и Ясенское⁵, расположенные у Днепра недалеко от Смоленска. Какого-либо контактного комплекса они не образовывали. Вероятно, это были близкие к Смоленску хозяйства, которые должны были обслуживать необходимые нужды кафедры. Следует при этом отметить, что если село Дросенское передавалось «святей Богородици и епископу», то село Ясенское только «святей Богородици». Возможно, что доходы от этого села шли на содержание кафедрального Успенского собора. В «Уставе» отмечено, что население этих сел составляли «изгой» – очевидно, выкупленные или выкупившиеся на свободу холопы⁶.

О характере власти над населением этих сел в данной части «Устава» ничего не говорится. Кроме того, «на горе», то есть в Смоленске на холме, где располагался Успенский собор, «святей Богородици» был передан «огород с капустником и его семьей, и с рекою», «святей Богородици и епископу» «тетеревник» с семьей⁷. Стоит отметить эту особенно выделенную передачу кафедр только двух «служилых» людей. Очевидно, владения кафедры и собора в Смоленске были очень ограниченны.

Кроме того, кафедре была передана «земля» (очевидно, незаселенная) «в Погоновичах», озера (не меньше трех) и «сеножати» с пояснением «уезд княж», то есть в данном случае специально были установлены их границы. Угодья эти не образовывали какого-либо единого целого, они находились в разных местах на север и на юг от Смоленска.

При рассмотрении вопроса о статусе населения таких владений следует коснуться текстов, читающихся в последующих разделах «Устава». Так, здесь читается: «аж церковнии че-

⁵ Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. С. 143.

⁶ О термине «изгой» см.: [Горский, с. 163–164].

⁷ Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. С. 144.

ловек доидет чего, то своему епископу»⁸. Обращение к разным редакциям «Устава Владимира» показывает, что термин «люди церковные» означал подчиненных епископу членов клира и церковных служителей и именно по отношению к ним устанавливался суд иерарха «опроче мирян»⁹.

В конце «Устава» читается, «аже будет или тяжа или продажа епископя, да не надобе ни князю, ни посадику, ни тивуну»¹⁰. Однако в более раннем тексте того же памятника «тяжами епископлыми» называются дела, подлежащие его церковному суду (разводы, двоеженство и др.). Таким образом, вопрос о статусе населения переданных смоленской кафедре владений остается открытым.

Возможно, однако, и другое решение. В начале «Устава» читается несколько необычное распоряжение князя о передаче «святеи Богородици и епископу» «прощеников» «с медом и с кунами и с вирую и с продажами и не надобе их судити никакому же человеку»¹¹. В разных редакциях Устава Владимира «прощеники» фигурируют как одна из групп «церковных людей»¹². Необычность состоит в том, что не указано, где именно проживали переданные кафедре «прощеники». При рассмотрении этого вопроса следует принять во внимание, что в целом ряде переданных текстов домонгольского времени понятие «прощеники» было использовано для обозначения вышедших на волю рабов – вольноотпущенников¹³. Не исключено поэтому, что распоряжение имеет в виду население сел кафедры, обозначенное сходным по смыслу термином «изгой». В этом случае есть основание сделать вывод, что в переданных Смоленской кафедре селах князь разрешил селить вышедших на волю холопов (прощеников-изгоев), предоставив этим селам податной и неограниченный судебный иммунитет. Различия терминологии в разных частях «Устава», вероятно, объясняются несовершенством работы сотрудников великокняжеской канцелярии, что по отношению к некоторым другим особенностям текста справедливо отмечено Л. В. Алексеевым [Алексеев, 1980, с. 46].

Рассмотрим теперь сведения об источниках доходов и земельных владениях Гнезненского архиепископства, сопоставляя полученные результаты с результатами рассмотрения «Устава» Ростислава.

В папской булле 1136 г. как важнейший источник материального обеспечения Гнезненского архиепископства выступала десятина от государственных доходов¹⁴. Эти «полные» («plenary») десятины должны были поступать из «градов» («castellis»), которые являлись центрами административных округов, куда стекались все соответствующие поступления. Перечень включал в себя названия всех 16 укрепленных градов – центров округов, на которые делилась государственная территория, входившая в состав архиепископства (см. об этом: [Modzelewski, 1975, s. 100–101]).

Выражение «полные» означало, что десятиной должны облагаться все виды доходов.

Булла включала большой перечень видов поступлений: поставки продовольствия – хлеб, мед, свиньи, а также куньи и лисьи шкурки и железо. Это показывает значительный удельный вес натуральных поступлений в системе обложения Польского государства раннего XII в. Одновременно перечислялись «десятины» от разного рода денежных поступлений в казну соот-

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 16, 19, 20–21, 63, 67–68, 71–72.

¹⁰ Там же. С. 144.

¹¹ Там же. С. 141.

¹² Там же. С. 18, 24, 63, 72.

¹³ Срезневский И. И. Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам. СПб., 1912. Т. 2. Стб. 1610–1611; Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1995. Вып. 21. С. 14 (отпускная грамота холопа в одном из текстов фигурирует как «прощенная книга»).

¹⁴ Kodeks dyplomatyczny Wielkopolski. Т. 1. № 7.

ветствующего «града». Это были доля от судебных пошлин, десятины от доходов, собиравшихся с корчем, от торговых пошлин, взимаемых при продаже и провозе товаров. Последнему источнику доходов придавалось особое значение, в булле специально подчеркивалось, что архиепископству должна была поступать десятина от торговых пошлин, взимаемых не только «in ipsis castellis», но и на всей подведомственной им территории¹⁵. Сопоставление текстов «Устава» и буллы в этой части позволяет констатировать, что в обоих случаях очень важным источником материального обеспечения церкви являлась десятина от княжеских (государственных) доходов. Это дает основания ставить вопрос о едином типе организации общества в Древней Руси и Польше в эпоху раннего Средневековья. Такое сходство неоднократно отмечалось в научной литературе обеих сторон [Abraham, s. 240–242; Modzelewski, 1975, s. 96; Щапов, с. 86].

Вместе с тем при сопоставлении двух текстов возникает ряд вопросов, которые, как представляется, заслуживают обсуждения. На польской стороне имеется система управления, опирающаяся на многочисленные «крепости», выступающие в качестве центров власти. В Смоленской земле, судя по всему, такой четкой организации управления не было. Конечно, как показали исследования археологов, в целом ряде центров управления – городах, таких как упоминаемые в «Уставе» Вержавск, Торопец, Копысь, Кричев, – имелись также крепости [Алексеев, 1980, с. 160, 163, 165, 185–186]. Но большая часть центров, перечисляемых в «Уставе» и не подчинявшихся таким «крепостям», не превратились в отличие от польских «крепостей» в «города», и, по-видимому, они лишь посещались сборщиками княжеской дани. Постоянного присутствия власти здесь, вероятно, не было, что, как представляется, было связано с гораздо более высокой степенью освоения территории населением, а затем и органами власти в Польше.

Вместе с тем сравнение показывает, что в Польше XII в. сбор десятины в пользу церкви охватывал всю территорию Гнезненской епархии в отличие от Смоленской земли, где десятина от даней взималась только в ее части.

Сопоставление текстов дает возможность увидеть, что если в составе польской «десятины» (а соответственно, и государственных доходов) большое место занимали поставки продуктов и железа, то в «Уставе» речь идет, как правило, о гривнах дани (исключения: пожалование прощеников «с медом», десятина «от всех рыб» в Жиждце и Торопце). Было бы, однако, поспешно делать на этом основании вывод о более высоком уровне развития товарно-денежных отношений в Смоленской земле по сравнению с Польшей. Этому противоречат известные данные о недостатке драгоценных металлов и монет у населения домонгольской Руси. Известно, что, когда один из князей XII в., подчинив определенную территорию, наложил на население чрезвычайную дань серебром, для ее уплаты женщинам пришлось снимать с себя серебряные украшения¹⁶.

Показательно также, как в разных редакциях «Устава Владимира» раскрывалась скупая летописная формула, что князь пожертвовал церкви «от имения и от град моих десятую часть»¹⁷. В одной из редакций читается, что князь дал церкви «десятое из всякого стада и от всякого жита»¹⁸. По другой редакции имелась в виду десятина «от всего пребытка и от лова княжа и от стад и от жита»¹⁹. Думается, эти пояснения ясно показывают, что в древнерусской десятине в пользу церкви натуральные поставки должны были занимать столь же значительное место,

¹⁵ См. подробнее об этом: [Modzelewski, 1975, s. 97–101].

¹⁶ ПСРА. СПб., 1908. Т. 2. Стб. 417.

¹⁷ ПСРА. М., 1962. Т. 1. Стб. 124.

¹⁸ Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. С. 16, 18, 23, 30.

¹⁹ Там же. С. 70–73.

как и в десятина польской. Надо полагать, что целый ряд упомянутых в «Уставе» поселений «служебного» населения вносил в княжескую казну оброк продуктами промысловой деятельности (бортники, бобровники), как это было обычно в более позднее время. Стоит отметить и упоминания о «лисицах», которых жители смоленских городов должны были подносить епископу в XIII в.²⁰

Дело, вероятно, в особенностях работы сотрудников княжеской канцелярии, составлявших «Устав».

В папской булле дважды четко отмечено, что десятина от судебных пошлин должна передаваться гнезненскому архиепископу. На Руси церковь также претендовала на такую десятину. Об этом говорит воспроизведенное в разных редакциях «Устава Владимира» утверждение, что Владимир передал церкви «от всякого княжого суда десятую векшу»²¹. В Новгороде XII в. такая десятина собиралась и выдавалась, как это определено следует из такого современного смоленскому «Уставу» документа, как Уставная грамота новгородского князя Святослава Ольговича 1137 г. В этом документе отмечалась как общий порядок на Руси передача епископам десятины «от вир и продаж»²². В Смоленске в 1136 г. судебная десятина для церкви не была установлена. Очевидно, что позиции церкви в Польше раннего XII в. были более сильными, чем в Смоленской земле XII в.

В тексте папской буллы, несмотря на ее краткость, очевидно стремление ее составителей обеспечить церкви десятину со всех доходов, взимавшихся при обложении торговой деятельности на всей территории епархии. При этом предусматривалось в записи о десятине со второй группы «градов» и другое решение, когда церковные служащие смогут собирать в свою пользу соответствующие доходы каждую десятую неделю («decimali ebdomada»).

Таким же образом хотела решать вопрос и древнерусская церковь. Неслучайно в разных редакциях «Устава Владимира» говорилось, что князь передал церкви «и с торгу 10-тую неделю»²³, «у мыте и у торгу и на перевозех 10-ю неделю»²⁴. В некоторых случаях церкви в более позднее время удалось добиться осуществления таких норм, как об этом говорит запись XIV в. о сборе представителями туrowsкого епископа торговых пошлин на десятой неделе в Турове и Пинске²⁵. Характерно, что и в это время есть примеры, когда в виде пошлин взималась часть товара.

Смоленский «Устав» не давал церкви в виде общей нормы ни десятой части поступавших в казну торговых пошлин, ни права сбора таких пошлин на десятой неделе. Я. Н. Щапов предполагает, что торговые пошлины включались в состав даней, которые выплачивали разные «волости» в пользу князя [Щапов, с. 81], но с таким предположением трудно согласиться, так как в отличие от «дани» размер таких пошлин не мог быть заранее установлен. Указания на это содержатся в самом «Уставе»²⁶.

Подойдя к вопросу более обстоятельно, следует отметить, что об отсутствии общей нормы говорят упоминания о получении десятины от торговых доходов в отдельных местностях и при этом ничего не говорится о какой-либо доли церкви в торговых пошлинах, которые собирались в столице княжества – Смоленске, хотя есть основания считать уже в это время Смоленск достаточно значительным торговым центром [Алексеев, 1980, с. 87–90]. Уже из это-

²⁰ Там же. С. 146.

²¹ Там же. С. 16, 18, 23, 30, 37, 70.

²² Там же. С. 147–148. См. также: [Щапов, с. 79].

²³ Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. С. 15, 18, 22, 30, 70.

²⁴ Там же. С. 73.

²⁵ Там же. С. 200. О «торговой» десятине см.: [Щапов, с. 80–81].

²⁶ См., например: «а в гостиней дани неведомо, а что ся соидет» (Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. С. 142).

го ясно, что торговой десятины во всей Смоленской земле местная епископия не получила. Это показывает еще раз большую слабость ее позиций по отношению к княжеской власти, чем Гнезненского архиепископства в Польше первой половины XII в.

Все же в конечной части раздела «Устава» о десятине, как уже отмечалось, указан ряд местностей, в которых кафедра могла получить какие-то доходы от обложения торговой деятельности. В большей части размеры поступлений от корчем, гостиной дани, мыта не указаны («что ся соидет»). Лишь в двух местах указаны цифры: в Путтине – 4,5 гривны от корчем и 7 гривен от «гостей», в Копысе – «на перевозе» 4 гривны и 4 гривны «торгового»²⁷. Данные о Копысе особенно интересны, так как здесь ничего не говорится о «дани», а только о пошлинах, взимаемых на «перевозе» через Днепр, и о взимании «торгового». Если речь идет о взимании с этих доходов «десятины» в размере 7 гривен, то доход, собиравшийся в Копысе от торговой деятельности, должен был превышать доход от многих волостей.

В «Оболви» упоминается только «гостиная дань», и это, очевидно, тоже было торговое поселение.

Такие поселения, как Пашина, Копысь, Лучин, фигурируют позднее как смоленские города²⁸, и, следовательно, десятиной облагалась значительная часть торговой деятельности в Смоленской земле, но все же следует отметить, что десятину от торговых пошлин в Торопце и Смоленске Смоленская кафедра не получила.

Как представляется, в условиях слабого развития товарно-денежных отношений княжеская власть стремилась сохранять в своем распоряжении источник доходов, приносящий денежные средства²⁹, что было особенно актуально при отсутствии своего серебра и собственной монеты.

Наряду с охарактеризованными выше поступлениями от разных видов «десятины» Гнезненская архиепископия в 30-х гг. XII в. располагала и немалыми земельными владениями. Надо сразу сказать, что сравнение этой стороны дела несомненно будет некорректным, так как Смоленское епископство только образовалось в 1136 г., а Гнезненское архиепископство, главное в польской церкви, образовалось в 1000 г. и с этого времени неоднократно получало пожалования и вклады. Вместе с тем, как представляется, имеет смысл сопоставить характер этих княжеских пожалований (по крайней мере, наиболее важных) с пожалованиями Смоленской кафедре. Пожалования эти, как отмечалось выше, состояли из двух сел в районе Смоленска и ряда различных угодий. Иную картину мы находим в папской булле 1136 г.: согласно этому документу, в перечне владений кафедры обнаруживаются две особые единицы, обозначенные термином «*provincia*»³⁰, что означало особый административный округ. «Провинция» Жнин передавалась архиепископству с торгом, озерами и «*omni iurisdictione seculari*». Далее следовал перечень 24 расположенных в округе сел и живущих в них 260 крестьянских семей. Перечень заканчивался словами, что все эти люди и (возможные) пришельцы вместе со всем их потомством «*archiepiscopales sunt*». Более краткой была запись о другом округе с центром в Ловиче. Поселения и их жители передавались вместе «с охотой и бобрами», а также «*cum omni iurisdictione seculari*», так что они не должны были отвечать ни перед кем, кроме архиепископа. Как показало исследование, содержащиеся в записях упоминания о «торге», «озерах», «бобрах», «охоте» свидетельствуют о том, что эти земли не получили полного податного иммунитета [Modzelewski, 1987, s. 197, 201–203]. Упоминания о «бобрах», «озерах»,

²⁷ Там же. С. 142–143.

²⁸ Там же. С. 146.

²⁹ О стремлении польских и венгерских правителей XII–XIII вв. сосредоточить в своих руках циркулирующую в стране монету см.: [Modzelewski, 1975, s. 112–113, 136–138].

³⁰ О значении термина см.: [Modzelewski, 1987, s. 203–204].

«охоте» говорили, что эти земли закрываются для доступа людей князя и местные жители могут использовать соответствующие угодья в своих интересах, пошлины на «торгу» также не должны были поступать князю, но это не освобождало от налогов и повинностей в пользу государства³¹. Вместе с тем совершенно очевидно, что над жителями переданных архиепископу поселений устанавливалась его административно-судебная власть. Правда, как показывает обращение к более поздним источникам, по отношению к жителям этих территорий князь сохранил положение верховного судьи [Modzelewski, 1987, s. 205], но местные органы власти со всеми их компетенциями сменили чиновники архиепископа.

Сравнение показывает, что иммунитет Смоленской кафедры в ее земельных владениях был более широким: в пользу епископа поступали «куны» и «мед», но речь шла о двух не образующих единого комплекса селах, в то время как гнезненскому архиепископу только в округе Жнина были переданы сотни крестьянских дворов. К этому стоит добавить, что под власть архиепископа были переданы крестьяне-дедичи, обозначенные в булле как «*possessores*», а власть смоленского епископа распространялась только на «прощеников-изгоев».

Очевидно, что к середине XII в. на польской почве был сделан важный шаг на пути к созданию крупного привилегированного церковного землевладения. Этот процесс получил свое завершение в XIII столетии, когда на территории польских «земель» образовались своеобразные духовные «княжества» с самыми широкими податными и судебными привилегиями.

Во второй половине XII – XIII в. епископы – крупные церковные землевладельцы выступали здесь как главная сила, направленная на разрушение модели организации общества, сложившейся в эпоху раннего Средневековья.

Такие «княжества» известны и по древнерусским материалам. Примером может служить принадлежавшая митрополичьему дому волость Караш в Ростовском уезде, где в конце XV в. насчитывалось 560 крестьянских дворов. Эта волость пользовалась полным судебным иммунитетом и освобождением от дани и яма³².

Такие крупные владения были у целого ряда епископских кафедр Северо-Восточной Руси, но их существование фиксируется источниками конца XIV – XV в. Как показывает смоленский пример, в первой половине XII в. до этого было еще далеко.

Как уже отмечалось выше, и в Польше, и в Древней Руси в 30-е гг. XII в. сохранялась серьезная связь с типом организации общества эпохи раннего Средневековья – княжеская десятина оставалась важным средством материального обеспечения церкви, в этих рамках церковь в Польше получала гораздо большее количество прав и доходов.

Представляет интерес, чем такая серьезная разница была вызвана. Вероятно, большие возможности в пользовании такими правами и доходами послужили польской церкви отправной точкой для успешного старта в построении новых отношений на следующем этапе социально-политического развития.

Очевидно, что к 30-м гг. XII в. на польской почве уже был сделан крупный шаг по пути к созданию крупной привилегированной церковной вотчины, что на смоленском материале не прослеживается.

Выше уже отмечалось, что, по общему мнению польских исследователей, формированию такой вотчины и изменению роли и значения церковной иерархии в жизни общества способствовала политическая раздробленность Польского государства после 1113 г. В этой связи следует отметить, что в Древнерусском государстве такая политическая раздробленность началась значительно ранее 1136 г. К этому времени Смоленская земля была уже совершенно самосто-

³¹ Аналогичную ситуацию можно наблюдать в рязанских грамотах XIV–XV вв.

³² См.: Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI веков / Подгот. к печати Л. В. Черепнин. М., 1951. Ч. 1. № 1, 12; [Веселовский, с. 376–379].

ательным княжеством, а положение новой кафедры осталось традиционным, тесно связанным с той системой отношений, которая сформировалась в эпоху раннего Средневековья. Какие факторы способствовали такому положению вещей?

В данном тексте имеет место сопоставление двух источников, созданных в условиях, когда силой, устанавливавшей положение кафедры, была княжеская власть, являвшаяся главной политической силой и в Польском государстве, и в Смоленской земле. Как же определялось положение церкви в новгородском обществе, где позиции княжеской власти были ослаблены, а на положение дел могли влиять собрания населения главного города земли?

Литература

- Алексеев Л. В. Домен Ростислава Смоленского // Средневековая Русь. М., 1976. С. 53–59.
Алексеев Л. В. Смоленская земля в IX–XIII вв. Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. М., 1980. 261 с.
Веселовский С. Б. Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.; Л., 1947. 495 с.
Горский А. А. Русское средневековое общество. Историко-терминологический справочник. СПб., 2019. 410 с.
Щапов Я. Н. Государство и церковь Древней Руси. X–XIII вв. М., 1989. 189 с.
Abraham W. Organizacja Kościoła w Polsce do połowy wieku XII. Poznań, 1962. 360 s.
Maleczyński K. Bolesław III Krzywousty. Wrocław etc., 1975. 375 s.
Modzelewski K. Organizacja gospodarcza państwa piastowskiego. X–XIII wiek. Wrocław etc., 1975. 296 s.
Modzelewski K. Chłopi w społeczeństwie wczesnopiastowskim. Wrocław, 1987. 295 s.

References

- Abraham, W. Organizacja Kościoła w Polsce do połowy wieku XII. Poznań, 1962. 360 s.
Alekseev, L. V. Domen Rostislava Smolenskogo [Rostislav Smolensky Domain]. In *Srednevekovaya Rus'*. Moscow, 1976. Pp. 53–59.
Alekseev, L. V. Smolenskaya zemlya v IX–XIII vv. Ocherki istorii Smolenshchiny i Vostochnoi Belorussii [Smolensk Land in the 9th – 13th Centuries. Essays on the History of Smolensk and Eastern Belarus]. Moscow, 1980. 261 p.
Gorskii, A. A. Russkoe srednevekovoe obshchestvo. Istoriko-terminologicheskii spravochnik [Russian Medieval Society. Historical and Terminological Reference]. Saint Petersburg, 2019. 410 p.
Maleczyński, K. Bolesław III Krzywousty. Wrocław etc., 1975. 375 s.
Modzelewski, K. Organizacja gospodarcza państwa piastowskiego. X–XIII wiek. Wrocław etc., 1975. 296 s.
Modzelewski, K. Chłopi w społeczeństwie wczesnopiastowskim. Wrocław, 1987. 295 s.
Shchapov, Ya. N. Gosudarstvo i tserkov' Drevnei Rusi. X–XIII vv. [The State and the Church of Old Rus. 10th – 13th Centuries]. Moscow, 1989. 189 p.
Veselovskii, S. B. Feodal'noe zemlevladienie v Severo-Vostochnoi Rusi [Feudal Land Ownership in Northeastern Russia]. Moscow; Leningrad, 1947. 495 p.

Boris N. Florya

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

TWO DOCUMENTS OF 1136 ABOUT THE POSITION OF THE CHURCH IN THE OLD RUS AND POLAND IN THE 12th CENTURY

On the basis of a comparison of two sources – the prince's charter of 1136 to the Bishopric of Smolensk and the bulla of Pope to the Archbishopric of Gnezno in Poland, the article demonstrates the similarity and the differences between the positions of bishoprics in the society and in the nature of their relations with the state power.

Keywords: bishopric, prince's power, tithes, landowning of bishopric, Poland, Rus

